

УДК 1(091)

Рациональная реконструкция истории философии: проблема понимания, объяснения, интерпретации и критического мышления

М.А. ШЕГУТА

Украинская инженерно-педагогическая академия. Стахановский учебно-научный институт горных и образовательных технологий, г. Стаханов, Украина, E-mail: fanuta@list.ru

Авторское резюме

Статья посвящена такому предельно сложному феномену, как историко-философский процесс, составляющему многообразие философских направлений, течений, школ. Растущий интерес к проблеме анализа истории философии связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, эта проблема - анализ сущности историко-философского процесса, в известной степени является «вечной» философской проблемой, ибо на каждом этапе исторического развития то или иное философское учение видится и оценивается по-разному. Во-вторых, на рубеже XX-XXI веков, состоялась известная переоценка ценностей в этой области с: определенный отход от марксистской парадигмы истории философии и оценки вклада отдельных школ, отдельных представителей философских систем в сокровищницу мировой культуры..

Поэтому целью исследовательской работы историка философии всегда является рациональная реконструкция историко-философского текста. Реконструкция философских концепций прошлого выступает для историка философии как момент процесса понимания текстов, совокупность которых в аспекте их понимания создает определенный герменевтический универсум. Ибо реконструкция прошлого видения мира во всем его многообразии, уникальности, зашифрованное в философских текстах знание дает объяснение, понимание, интерпретацию и истолкование текстов.

В этой статье осуществлена попытка анализа взглядов на указанную проблему в Г. Г. Гадамера, Дильтейя, Ф. Шлейермахера, М.В. Поповича, С.Б. Крымского, М.М. Бахтина и других ученых.

Ключевые слова: историко-философский процесс, рациональная реконструкция, понимание, объяснение, интерпретация, философский дискурс, герменевтика, философский текст, истолкование, анализа, герменевтический круг, эмпатия.

Rational reconstruction of the history of philosophy: the problem of understanding, explanation, interpretation and critical thinking

M.A. SHEGUTA

Ukrainian engineering and pedagogical academy. Stakhanov educational scientific institute of mining and educational technologies, Stakhanov, Ukraine, E-mail: fanuta@list.ru

Abstract

The article is devoted to such complex phenomenon, historical and philosophical process composes variety of philosophical trends, movements, schools. Growing interest in the problem analyze history of philosophy is due to several circumstances. Firstly this program analysis essentially the history of philosophy, to a certain extent is the eternal philosophical problem, because at each stage of historical development or that philosophical phenomenon has seen and evaluated differently. Secondly, at the turn of XX-XXI centuries held known reassessment of values in this field with: certain departure from the Marxist paradigm of the history of philosophy and assess the contribution of particular schools, individual representatives of philosophical systems in the world's cultural heritage.

Therefore the aim of the research work of the historian of philosophy is always a rational reconstruction of historical and philosophical text. Reconstruction of the philosophical concepts of the last stands for the historian of philosophy as a point in the process of understanding the texts, the totality of which in terms of their understanding creates a certain hermeneutical universe. For the reconstruction of the past vision of the world in all its diversity, uniqueness, encrypted in philosophical texts, knowledge provides an explanation, understanding, interpreting the texts and interpretation.

In this paper we made an attempt to analyze the views on the problem in G-G. Gadamer, Dilthey, F. Schleiermacher, M.V. Popovich, S.B. Crimskiy, M.M. Bakhtin and other scientists

Keywords: history of philosophy, rational reconstruction, understanding, explanation, interpretation, philosophical discourse, hermeneutics, philosophical text, interpretation, analysis, hermeneutic circle, empathy.

Постановка проблемы. Во второй половине XX века в индустриально развитых странах Запада, а в 90-е годы XXI в. – в России и Украине стала формироваться новая отрасль знания и учебная дисциплина – медиаобразование, основной задачей которой становится формирова-

ние критического мышления, т.е. умение осваивать, анализировать, оценивать медиатексты. Следует согласиться с утверждением, что медиаграмотность становится в условиях информационной цивилизации условием успешной адаптации подрастающих поколений, их твор-

ческой самореализации. Забота о медиакультурной грамотности есть еще и обеспечение защиты гражданского общества [8].

Актуальной является и проблема формирования умения критического анализа философских текстов, поскольку действительно на каждом этапе исторического развития та или иная предлагаемая мыслителями концепция видится и оценивается по-новому. Кроме того, на рубеже XX-XXI вв. произошла известная переоценка ценностей, связанная с определенным отказом от марксистской парадигмы историко-философского процесса как единственной истиной. Произошли определенные изменения в оценке вклада тех или иных философских школ, отдельных представителей философских систем в сокровищницу мировой культуры. Проблема критического анализа философских учений, концепций, текстов относится к «вечным» философским проблемам, потому всегда будет актуальной.

Анализ исследований и публикаций. Проблема критического анализа философских текстов прошлого возникла еще в античности. Достаточно напомнить работу Аристотеля, которого по праву считают первым в европейской культуре историком философии, «Об истолковании» [См.: Аристотель. Соч. – Т.2. – М., 1978. – с. 91-117]. В эпоху европейского Средневековья возникла экзегетика, целью которой стали расшифровка, объяснение, понимание и в известной степени интерпретация текстов, зашифрованных в Библии.

В Новоевропейской культуре этой проблеме посвящены работы мыслителей Нового времени и эпохи Просвещения, что было обусловлено потребностью критического анализа средневековой схоластики и философии того времени.

В сфере общей методологии истории философии следует назвать работы наших соотечественников – русских и украинских ученых – В. Ф. Асмуса, А. С. Горского, И. В. Бычко, П. И. Гнатенко, Г. А. Зайченко и др. Понимание, объяснение, интерпретация, истолкование философских текстов рассматриваются в работах М. Хайдеггера («Бытие и время»), Х.-Г. Гадамера («Истина и метод») – «отцами» герменевтики. В настоящее время – начиная с 70-х гг. XX ст. – эти проблема из представителей постмодерна разрабатывает П. Рикер, который предложил своеобразную версию философской герменевтики (он пришел к герменевтики из феноменологии). Из современных ученых, интересующихся данной проблемой, следует назвать Э. Бетти, Ф. Бласса, Б. Г. Юдина, Т. И. Ойзермана, Е. К. Быстрицкого, В. С. Швыряева, Г. Л. Тульчинского, Г. Л. Гусева, Г. Рузавина, А. Н. Чанышева, А. Ф. Лосева, П. П. Гайденко, В. С. Малахова, А. Н. Лоя и др.

В нашей стране с середины 70-х гг. XX в. (как отмечают исследователи, не в последнюю

очередь в связи с переводом книги Гадамера «Истина и метод» на английский, а затем и на русский языки) выходят из печати интересные работы: «Понимание как логико-гносеологическая проблема» (К., 1981); фундаментальное исследование В. С. Горского «Историко-философское истолкование текста» (К., 1981); работы М. В. Поповича, С. Б. Крымского, В. С. Малахова и др., а также многочисленные статьи в русле герменевтической традиции на страницах философских журналов.

Цель исследования – продемонстрировать процедуру анализа философских текстов, которая сложилась в философском дискурсе, в процессе понимания, объяснения, интерпретации, т.е. критического анализа философского текста. В историко-философском дискурсе даже возникла целая отрасль философского знания, предметом изучения которой являются философские тексты прошлого и настоящего – герменевтика.¹

Изложение основного материала. Историко-философский процесс, составляющий многообразие философских направлений, течений, школ, тенденций – очень сложный культурный феномен для исследования. Настоящее задание историка философии состоит не в том, чтобы перевести текст с одного языка на другой или просто воспроизвести текст, а в том, чтобы, изучая текст, его реконструировать, описать зафиксированное в нем знание. То есть, воспроизвести текст прошлого так, чтобы читатель буквально наглядно увидел, представил особенности иных взглядов, иного мировосприятия того прошлого, которое отошло и его невозможно представить иначе, чем с помощью историко-философского исследования.

От воспроизводства историк философии может сделать решающий шаг к сознательному реконструированию философской концепции (учения) прошлого. Ибо «историко-философская работа во всей ее полноте не ограничивается только «воспроизводством», а включает в себя весь спектр способов работы, принятых в философии, включая критику, построение теории, позитивную разработку соответствующих вопросов. Так, например, выделяются этапы историко-философской работы: 1) историческая реконструкция; 2) критика; 3) позитивная разработка проблемы [15, 177].

Цель исследовательской работы историка философии, конечный результат этой работы – рациональная реконструкция историко-философского текста или совокупности текстов. Термином «рациональная реконструкция» подчеркивается противопоставление понимания историко-философского процесса его эмпирическому описанию и зависимость такого исследования от базовой теории, которая не является тождественной подлежащей исследованию. Рациональной реконструкцией историко-философского процесса называется исследо-

вание, осуществляемое на основе философской теории, отличной от реконструируемой. В этой сложной кропотливой работе исследователь добивается адекватности собственной интерпретации авторского содержания. Ибо философские концепции являются специфическими идеальными объективностями, данных в текстах, и их воспроизводство должно удовлетворять научный критерий адекватности, то есть не могут быть произвольными. Содержание этого критерия сводится к двум требованиям, сформулированным А.Эйнштейном: «внутренняя связность (когерентность) и «внешняя оправданность» (соответствие эмпирическим фактам). Прагматическая адекватность историко-философского познания выражает его соответствие цели субъекта, предвидящего результаты познавательной деятельности [3]. Адекватность историко-философского познания является стремлением к идеалу точного знания, этот идеал тесно связан с методологием Р.Декарта, с идеалом классической рациональности. Отмеченный идеал требует извлечения субъекта познания (наблюдателя) из описываемой реальности, формирование методов получения знаний, независимых от личных желаний или намерений субъекта. В пределах неклассической рациональности выделяется требование отказа от абсолютизации точности и культивируются преимущества неточного знания, учитывающего социальный и культурный контекст.

Реконструкция историко-философских концепций выступает для историка философии как момент процесса понимания текстов, вся совокупность которых в аспекте их понимания создает определенный герменевтический универсум. Ибо именно тесты, как памятники, считал предметом герменевтики Ф.Шлейермахер – один из основателей Берлинского университета и первый его ректор. Тесты как памятники, в его понимании, отделяет от исследователя большая временная, историческая, культурная и языковая дистанция, поэтому существует множество «барьеров», которые мешают проникновению в смысл текста. Снять эти преграды призвана герменевтика, которую он определял как искусство понимания.

Действительно, реконструкция прошлого видения мира во всем его многообразии неповторимости, зашифрованное в философских текстах, предусматривает объяснение, понимание, интерпретацию и истолкование текстов. Правда, В.Дильтей считал, что объяснение характерно только для естественных наук, а для гуманитарных понимание: «Природу мы объясняем, а душевную жизнь постигаем». (7, 8). Объяснение опирается одновременно и на полную эмпирическую базу, и на некую историческую схему. Ярким примером объяснения в истории философии являются «Лекции по

истории философии» Гегеля: его основной заслугой было не отыскивание новых данных об историко-философском процессе, а выдвигание объясняющей теоретической схемы.

Объяснение следует отличать от понимания. Объяснение означает казуальное сведение некоего единичного феномена ко всеобщим законам. А понимание стоит вне казуальных отношений. Отличие понимания от объяснения, по мнению многих авторов, состоит в его целостности. Если объяснение всегда строится на основе отдельного принципа, закона и т.п., то понимание является постижением сущности явлений во всей их целостности. Понимание выступает характеристикой целостности знания, которое предлагает различные объяснения единства его осмысленности [13, 42-43].

Важная особенность понимания, отличающая его от объяснения, подчеркивают герменевтики, состоит в его интенциональности. Чтобы интерпретировать цели, намерения, мотивации авторов текстов, необходимо понять их. Совсем иначе состоит дело в природе, где действуют слепые, стихийные силы и где поэтому отсутствует целенаправленная деятельность как таковая. Именно по этой причине в естественнонаучном познании главное внимание уделялось вопросам объяснения, ибо они не связаны с анализом целенаправленного и мотивации.

Следует отметить, что категорию «понимание» нельзя противопоставлять категории «объяснение», поскольку они друг друга дополняют и действуют в любой области человеческого познания - от сферы обыденного знания до теоретического мышления.

Следовательно, объяснение и понимание – это две универсальные интеллектуальные операции, взаимодополняющие друг друга. По своей природе объяснение никогда не может быть исчерпывающим и в этом смысле достаточным – оно потенциально бесконечно.

Историко-философское исследование, на каком бы материале оно не строилось, невозможно без понимания, т.е. без проникновения во внутреннюю логику философского текста, будто прохождением с его автором пути философского творчества. Этим понимание отличается и от интерпретации, которая сознательно и с необходимостью вносит субъективные моменты (Проблема объяснения и понимания в научном познании. – М., 1982). Рассмотрим категорию «понимания» относительно исследования философского текста.

Г.-Г. Гадамер считает понимание центральной категорией герменевтического анализа. Понимание, по его мнению, это «схватывание смысла» [4]. Одним из первых обратил внимание на проблему понимания как на методологическую проблему Ф.Шлейермахер, который рассматривал герменевтику как технику, метод понимания и истолкования текста, ибо текст,

по М.М.Бахтину, - это первичная данность (реальность); текст является исходной точкой любой гуманитарной дисциплины» [2, 292]. Правда, сама концепция понимания как основной функции языка впервые была выдвинута В.Гумбольдтом. Но сам термин «понимание» впервые в философскую терминологию вводит именно Ф.Шлейермахер.

Осуществляя анализ текста, Шлейермахер различает в нем два уровня: предметно-содержательный (факт языка) и индивидуально-личностный (факт мышления). При их исследовании на первом уровне внимание обращается на то, о чем говорится в тексте (сочинении); второй уровень отвечает индивидуальным особенностям автора текста (концепции, учения), его стилю изложения. Философия должна ответить на вопрос: как возможно понимание философского произведения или концепции прошлого? Именно герменевтическая традиция ведет поиски ответа на этот вопрос.

За текстом Ф.Шлейермахер видит авторскую индивидуальность и только. Основная задача исследователя, по его мнению, состоит в том, чтобы «суметь, исходя из собственного умонастроения, проникнуть в умонастроение автора, которого он собирается понять», более того, суметь «понять автора лучше, чем он сам себя понимал» [17, 16]. По его мнению, цель и идеал исследования, основывающегося на понимании, - достижение нового тождества (конгениальности) с автором исследуемого текста, так сказать, повторения (обратным ходом) творческого акта по созданию текста (концепции). Исследователь способом психологической интерпретации обязан раскрыть духовный мир автора текста, его намерения, идеалы и установки, пережить и почувствовать то, что пережил автор. По мнению Шлейермахера, отдельный человек - это цельный мир, индивидуальный и неповторимый; этой индивидуальностью и неповторимостью, своим внутренним миром характеризуется и сам автор исследуемого текста. Поэтому для понимания текста прошлого как памятника культуры нет иного пути, чем проникновение во внутренний мир автора. Процесс понимания Шлейермахер характеризует как искусство специфического переосмысления духовного процесса, происходящего у автора текста.

Только таким путем, путем «конгениальности», можно выйти из герменевтического круга. Это понятие является ведущим методологическим понятием философской герменевтики, начиная с Ф.Шлейермахера (и даже с Августина Блаженного) до современных ее представителей. Преодолеть «герменевтический круг» - главное требование к герменевтическому исследованию. Суть «герменевтического круга» состоит в том, что перед тем, как начать исследование текста, мы всегда каким-то образом его понимаем. Потом исследуем уже

как-то понимаемый текст. То, что, казалось бы, следовало бы получить в конце, мы имеем в самом начале.

В.Дильтей (один из представителей «философии жизни») таким образом объяснил представления Ф.Шлейермахера о «герменевтическом круге» в его модификации «часть-целое»: «Целое должно быть понято в терминах его индивидуальных частей, индивидуальные части в терминах целого. Для того, чтобы понять сочинение, мы должны обратиться к автору и близкой к нему литературе. Такая сравнительная процедура дает возможность понять действительно каждое индивидуальное предложение значительно глубже, чем прежде. Поэтому понимание целого и его индивидуальных частей является взаимозависимым» [7, 136].

Следовательно, единственный путь выхода из «герменевтического круга», по Шлейермахеру, это - осознать и почувствовать, что осознал и чувствовал автор текста, так сказать, отождествить себя с автором. Эта процедура достигается с помощью «вчувствования», «эмпатии». Шлейермахер, исходя из того, и определяет основные принципы и методы герменевтического анализа, в частности: принцип зависимости понимания от значения внутренней и внешней жизни автора сочинения; принцип сотворчества (конгениальности) автора и интерпретатора и т.п.

В.Дильтей, вслед за Ф.Шлейермахером, самыми важными средствами понимания считал перевоплощение, воображение и интуицию, с помощью которых исследователь достигает понимания духовного мира автора текста и добивается определенной объективности в понимании и интерпретации самого текста. Правда, как отмечают исследователи, в своей последней работе, посвященной истории философии, Дильтей, по сути, сводит изучение этой истории к изучению психологии философов [13, 60].

Таким образом, В.Дильтей сущность понимания видел в непосредственном «вживании» в предмет понимания. «Просто «вживание» - отмечает М.В.Попович, - недостаточно для настоящего понимания именно потому, почему «поставить себя на место» (по Дильтею, «найти Я в Ты» - М.Ш.) есть только начальная предпосылка и угрожает антропоморфизацией познаваемого объекта». [12, 84]. То есть совсем отбрасывать этот исследовательский прием не следует, ибо в определенных условиях он может немало дать для адекватного воспроизведения историко-философского процесса, т.е. понимания философских текстов (концепций, учений, сочинений).

Диалектическая природа творчества требует, чтобы реальный субъект творчества, оставаясь самим собой, одновременно «вышел» бы за свои пределы. С.Б.Крымский отмечает, что «при творческом подходе к исследуемому тек-

сту его понимание предусматривает выход за пределы данной текстовой реальности и переход к новым, другим текстам» [8, .88]. Речь идет о том, что в разные времена диалог текста с разными читателями бывает разным. И в этом смысле текст уже содержит в себе объективную возможность разных интерпретаций, т.е. иных текстов. В этом процессе пониманию, которое в данном случае сближается с познавательным процессом, без метода эмпатии не обойтись (См.: Басин Е.Я. Творчество и эмпатия // Вопросы философии. – 1987. - №3. с.56-63). В отличие от принципа конгенитальности Ф.Шлейермахера и сопереживания В.Дильтея, Г.Гадамер выдвигает принцип «сплавления горизонтов». Проблема формулируется так: «Если каждый может понимать только в пределах исторического горизонта своего времени в его формах мышления, способами видения и представления, то как может происходить понимание прошлого, исторического свидетельства или древнего литературного произведения, которые своим происхождением связаны очень отличными от нашего современного горизонтами?» (Coreth E., 1969, P.119).

Имеется в виду то, что историк философии в поле собственного миропонимания должен реконструировать мир понимания, в рамках которого возник философский текст, подлежащий изучению. Напомним тезис самого Гадамера, в соответствии с которым «хорошо», «добродно» понять можно только культуру, отошедшую в прошлое, потерявшую живую связь с современностью. Гадамер имеет в виду то, что в процессе интерпретации должно иметь преимущество дистанцирование. Настоящее понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Оно требует постоянного учитывания исторической дистанции между интерпретатором и тем философским учением, которое исследуется. Именно «дистанция между эпохами, культурами... придает пониманию напряженность и жизнь» (Gadamer H.-G. Hermeneutik // Historisches Wörterbuch der Philosophie // Hrsq. I. Ritter. – Stuttgart; Basel, 1974. Bd.3.)

«Сплавление горизонтов» означает опосредованное отношение прошлого и современности, при котором сохраняются их специфические особенности. Духовные ситуации автора философского учения и исследователя (интерпретатора) разные, разумеется. Но в процессе истолкования «горизонт» исследователя изменяется, расширяется за счет включения в себя «горизонта» автора текста. Вследствие этого возникает новый, «общий горизонт», охватывающий будто бы собой «горизонты» автора сочинения и исследователя. Гадамер считает, что историческая дистанция между исследователем и временем создания текста (сочинения) несколько не затрудняет, а, наоборот, облегчает процесс понимания (4, 80).

Для того, чтобы понимание состоялось, следует соотнести философский текст прошлого с реалиями современности. При этом дистанция между двумя духовными мирами – автора философского текста и интерпретатора – должна быть сохранена в том смысле, что историк философии, исследующий текст, не должен осваивать образ мышления, оценки, убеждения автора текста той эпохи. То есть историк философии должен оставаться в рамках своего времени, своей эпохи. В таких случаях возникает феномен парадокса понимания – умение видеть и читать текст глазами его современников и одновременно своими глазами. Именно на этом основании понимание входит в методологию историко-философского познания.

Исследование историко-философских феноменов с таких позиций – чрезвычайно нелегкое дело. Как отмечал М.К.Мамардашвили, всегда «подход к философии как к реализованному уже сознанию прошлого неизбежно должен иметь предварительным условием осторожность. Эта осторожность должна быть продуктом или уже существующей культуры, или последствием нашего личного усилия, но во всяком случае она необходима» [9, 4]. Речь идет о том, чтобы стараться максимально избежать модернизации философского учения. При понимании как «слиянии горизонтов», подчеркивает Гадамер, только осознание историком философии собственной обусловленности исторической эпохой, проникновение в историческую ситуацию автора философского учения приводит исследователя к сотворению нового, более общего, более широкого и глубокого «горизонта». Создание нового «горизонта» как будто преодолевает своего, исторически обусловленного «предпонимания», т.е. понимания, которое было у исследователя до начала такого сплавления «горизонтов», духовной ситуации.

Действительно, изучая и осваивая какой-нибудь историко-философский феномен прошлого, а посредством его и автора (или авторов, творцов) этого феномена, исследователь «не выходит за рамки собственной жизни». [2, 350]. Но, с другой стороны, понять себя можно только, посмотрев как в зеркало на другого человека, как говорил Маркс. Таким своеобразным зеркалом и является данный историко-философский феномен – учение, концепция, течение, идея и т.п. – и его автор, как представитель определенной эпохи и совсем иной духовной ситуации.

Эту процедуру, однако, не следует квалифицировать как иррационалистический акт, акт вживания. Элемент эмпатии хотя здесь и присутствует, но ни в коем случае не является основным, а тем более таким, который целиком исчерпывает суть дела. Творчество, а в данном случае оно неизбежно при сотворении третьего «горизонта», всегда содержит в себе элемент

непредвиденности, неожиданности, незапрограммированности и произвольности.

На этой основе может возникать множество интерпретаций определенного философского феномена (текста). Это было возможным даже в средневековье, когда в основе культуры лежал, как известно один-единственный текст – Библия (имеется в виду европейская средневековая культура). Клирики его комментировали, делали примечания на полях. Комментарии были разными и таким образом Библия будто бы создавалась заново и этот вторичный текст, вписанный в собственно библейский, являлся культурным самосознанием Средневековья. Как отмечает С.С.Неретина, «складывалась удивительная ситуация: в монотеистическом мире, который предусматривал одно-единственное решение всех конечных вопросов бытия, поскольку мир задан определенным образом сверху, предсказан и предвидится его завершение, существовало множество точек зрения, которые постоянно ставили под вопрос это единственное – с канонической точки зрения – неизбежное, решение» [11, 72].

Есть смысл вспомнить также специфический в средневековье метод интерпретации текстов – экзегезу. Существовало множество методов экзегетики. В разные исторические эпохи священные книги читались и объяснялись по-разному и невзирая на то, что экзегеза опирается на содержание текста (Библии), возможны были разные интерпретации. В целом экзегетика (греч. *exedeomai* – истолковываю) – это раздел фундаментальной (или систематической) теологии, занимающийся истолкованием текстов откровения, однако предметом экзегетики являются также и тексты отцов церкви. Экзегетика может быть рассмотрена не только в узком смысле – как раздел фундаментальной теологии и соответствующая специальная практика, но и в качестве общекультурного феномена, органически связанного с характерными для соответствующей культуры парадигмальными установками восприятия и понимания текста. Скажем, органическую детерминационную взаимосвязь можно проследить между экзегетикой и философской герменевтической традицией. Как справедливо отмечают исследователи – медиевисты, классические герменевтические работы Шлейермахера, заложившие основы не только программ интерпретации Библии в теологии протестантизма, но и современной философской герменевтики, были созданы на основе и в рамках традиции экзегетики, сохранив установку на имманентное истолкование текста как центральную аксиологическую презумпцию [10, 1245-1246]. Известно множество истолкований библейских текстов, попытки интерпретаций которых не прекращаются до нынешнего дня (см. Лазарев...)

Ученого, который взялся за интерпрета-

цию и истолкование какого-нибудь философского текста, созданного в предыдущие эпохи, с необходимостью интересуют факторы, опосредствующие связь текста с автором и с самим исследователем. К факторам, обуславливающим характер отображения прошлого в тексте, можно отнести: социальные условия, в которых формировался текст, уровень развития производства прошлой эпохи, специфичность психики, языка, социокультурных норм и, в конце концов, влияние на текст промежуточных эпох, видоизменяющих его. Под влиянием на текст промежуточных эпох имеется в виду: переписывание (когда еще не было печатания), переводы и многочисленные интерпретации, придающие каждый раз новые смыслы. Поэтому исследователь (интерпретатор) вынужден исследовать те феномены, в которых жил автор текста.

Понимание текста может быть одновременно и пониманием того, что в тексте непосредственно не дано. В частности, интерпретатор часто может лучше понимать произведения, чем понимал его сам автор. Ф.Шлейермахер выдвинул принцип, в соответствии с которым целью герменевтики является понять текст и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свой собственный текст. В современной Западной философии эту идею Шлейермахера восприняли неокантианцы, поставив перед собой цель: «Понять Канта лучше, чем он сам себя понимал». За счет этого, т.е. за счет интерпретации, идет процесс приращения философского знания.

Исследователь философского текста прошлого стремится (обязан стремиться) не просто понять то, что сказал автор, но и то, что он «хотел» сказать, то есть, пробиться к глубинному пласту содержания текста. Речь идет о том, что исследователь с высоты своей эпохи и развитого знания может видеть значительно больше, чем автор произведения, продолжить те линии, которые у автора были только намечены. Возможность иной трактовки произведения и его понимания является основой постоянного интереса к выдающимся философским сочинениям даже отдаленного прошлого. Ибо «во всякое знание, которое мы имеем, или получаем, входят не только явные элементы, но и припрятанные, которые чаще всего не являются в рамках актуальной исследовательской практики. Некоторые спрятанные компоненты знания можно открыть, если осуществить определенные логические операции над «наличными знаниями». Такими операциями являются понимание и интерпретация, поскольку чтобы понять действительный смысл и значение личного знания, необходимо выйти за его пределы [5, 18].

Следовательно, искусство интерпретации состоит в умении видеть то, чего на первый взгляд, нет, то есть не лежит на поверхности

и его нельзя вывести из замысла автора текста. Текст, как элемент исторического процесса (а понимание тоже является историческим процессом), получает разные интерпретации, в которых раскрываются его смыслы. Сочинения античных мыслителей читались в разные эпохи по-разному, и не только античных. Например, как существенно отмечает М.М.Бахтин, «мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», которого мы теперь знаем»: «втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира невозможно». Чем вызвано чрезмерное возвеличивание «нашего Шекспира» по сравнению с тем, который творил в Елизаветинскую эпоху? Это вызвано открытием новых смыслов шекспировского наследия. Следовательно, Шекспир «вырос за счет того, что действительно было и есть в его произведениях, но что ни он сам, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи» [2, 369]. В результате нового прочтения текста возникает новое знание и именно за это герменевтики рассматривают интерпретацию как конструктивный, творческий процесс. По мнению Г.Гадамера, интерпретация представляет собой в определенной степени сочинение самого интерпретатора, а не просто воспроизведение замысла автора [См.: Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема (отв. Ред. В. П. Горон. – Новосибирск: наука, 1989)].

Выводы. Таким образом, философский текст, как и любой феномен культуры, преду-

сматривает множество интерпретаций. Признать философское произведение в свое время написанное и тождественное самому себе, значит закрыть все пути к его изучению. Но любое философское произведение, отмечал Р.Арон, как и «любое историческое творение двусмысленно и неисчерпаемо. Если бы не было двусмысленности, то различные интерпретации нельзя было бы объяснить. Если бы эта двусмысленность не отображала важности проблемы и богатства мысли, то она не заслуживала бы уважения» [1, 54].

Двусмысленность является плодотворной уже потому, что она коренится в самом объекте исследования – в философском тексте. Философская интерпретация предусматривает незавершенность, открытость философского произведения, готовность к новой, следующей интерпретации, являющейся неизбежной в новой исторической ситуации. Философское сочинение не прекращает своего существования вместе со смертью своих непосредственных читателей, оно продолжает жить в культуре.

Философское учение прошлого, включенное в жизнь культуры, проявляет смысловые глубины, о которых ни сам автор, ни его современники даже не догадывались. Поэтому каждая следующая интерпретация открывает новые возможности текста, спрятанные идеи, то есть с глубин текста добывается новая информация. В связи с этим возникает проблема неисчерпаемости философского текста, а также опасность его модернизации. Но это уже проблема для следующей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Название происходит от имени одного из древнегреческих богов – Гермеса, в функции которого, кроме бога торговли, входила еще и обязанность расшифровывать и истолковывать сказанное богами и доносить людям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арон Р. Двусмысленный и неисчерпаемый / Р. Арон // Вестник Московского университета. – М., 1992. - №2 - С. 54-63.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; [Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров]. - М.: Искусство, 1979. - 423 с.
3. Будко В. В. Адекватность научного познания / В. В. Будко. – Харьков: Основа, 1990. – 183 с.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадамер; [Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова]. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
5. Гусев С. С. Проблема понимания в философии (Философско-гносеологический анализ) / С. С. Гусев., Г. Л. Тульчинский. – М. Политиздат, 1985. – 192 с.
6. Диалектика точного и неточного в современном научном познании: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1988. - №12.
7. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей. – М., 1924.
8. Короченский А. П. Медиаобразование как фактор демократизации телевидения (европейский опыт) / А. П. Короченский // Медиаобразование. Всероссийский журнал истории, теории и практики медиапедагогике. – 2006. - №3. – С. 44-53.
9. Кримський С. Б. Розуміння і світорозуміння (Логіко-гносеологічний аспект) / С. Б. Крымский // Філософська думка. – 1981. – № 3. – С. 88–98.
10. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. - №10. – С.3-18.
11. Можейко М. А. Экзегетика / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия. Философия. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.

12. Неретина С. С. История с методологией истории / С. С. Неретина // Вопросы философии. – 1990. - №9. - с. 149-163
13. Попович М. В. Розуміння як логіко-гносеологічна проблема / М. В. Попович // Філософська думка. – 1981. - №3. - Розуміння як логіко-гносеологічна проблема // Філософська думка. – 1981. - № 3. – С.77–88.
14. Рузавин Г. И. Герменевтика и проблема понимания и объяснения в научном познании / Г. И. Рузавин // Вопросы философии. 1983. - №10. - С. 62-71.
15. Рузавин Г. И. Проблема понимания и герменевтика / Г. И. Рузавин // Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность: Критические очерки. – М.: Мысль, 1985. – С. 162-178.
16. Яковлев А. А. Понимание как методологическая проблема истории философии (Understanding as a methodological problem history of philosophy) / А. А. Яковлев. // Вопросы философии. – 1984. - №8. С. 72-82.
17. Coreth E. Grundfragen der Hermeneutik: Ein philosophischer Beitrag / E. Coreth. – Freiburg , 1969.
18. Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik / F. D. E. Schleiermacher – Heidelberg, 1969.

Статья поступила в редакцию 22.04.2014

REFERENCES:

1. Aron R. Dvusmlyennyy y neyscherpaemyj (Ambiguous and inexhaustible). *Vestnyk Moskovskogho unyversyeta*. М., 1992. №2. P. 54-63.
2. *Bakhtyn M. M. Estetyka slovesnogho tvorchestva* (Aesthetics of verbal creativity). М.: *Yskusstvo*, 1979. 423p.
3. *Budko V. V. Adekvatnostj nauchnogho poznanyja* (The adequacy of scientific knowledge). Kharjkov: *Osnova*, 1990. 183 p.
4. *Ghadamer Gh. Gh. Ystyna y metod* (Truth and Method). М.: *Proghress*, 1988. 704 p.
5. *Ghusev P. P. Problema ponymanyja v fylosofyy* (Fylosofsko-ghnoseologhycheskyj analiz) (The problem of understanding in philosophy (Philosophy-epistemological analysis)). М. *Polytyzdat*, 1985. 192 p.
6. *Dyalektyka tochnogho y netochnogho v sovremennom nauchnom poznanyy: Materyali «krughlogho stola»* (Dialectics of accurate and inaccurate in modern scientific knowledge). *Voprosi fylosofyy*. 1988. №12.
7. *Dyljtej V. Opysateljnaja psykholohyja* (Descriptive psychology). М., 1924.
8. *Korochenskyj A. P. Medyaobrazovanye kak faktor demokratyzacyu teleydyenyja* (evropejskyj opyt) (Media Education as a factor in the democratization of television (European experience)). *Medyaobrazovanye. Vserossyjskyj zhurnal ystoryy, teoryy y praktyky medyapedahoghyky*. 2006. №3. P. 44-53.
9. *Krimskyj P. B. Rozuminnja i svitorozuminnja* (Loghiko-ghnoseologhichnyj aspekt) (Understanding and outlook (Logical-epistemological dimension)). *Filosofska dumka*. 1981. № 3. P. 88–98.
10. *Mamardashvyly M. K. Soznanye kak fylosofskaja problema* (Consciousness How fylosofskaya problem). *Voprosi fylosofyy*. 1990. №10. P.3-18.
11. *Mozhejko M. A. Ekzeghetyka* (Exegetics). *Vsemyrnaja encyklopedyja. Fylosofyja*. М.: AST, Mn.: Kharvest, *Sovremennyy lyterator*, 2001. 1312 p.
12. *Neretyna P. P. Ystoryja s metodologhyej ystoryy* (History methodology stories). *Voprosi fylosofyy*. 1990. №9. p. 149-163
13. *Popovych M. V. Rozuminnja jak loghiko-ghnoseologhichna problema* (Understanding how logical and epistemological problem). *Filosofska dumka*. 1981. №3. *Rozuminnja jak loghiko-ghnoseologhichna problema // Filofska dumka*. 1981. № 3. P.77–88.
14. *Ruzavyn Gh. Y. Ghermenevtyka y problema ponymanyja y obyjasnenyja v nauchnom poznanyy* (Hermeneutics and the problem of understanding and explanation in scientific knowledge). *Voprosi fylosofyy*. 1983. №10. P. 62-71.
15. *Ruzavyn Gh. Y. Problema ponymanyja y ghermenevtyka* (The problem of understanding and hermeneutics). *Problema ponymanyja y ghermenevtyka // Ghermenevtyka: ystoryja y sovremennostj: Krytycheskye ocherky*. М.: *Mislj*, 1985. P. 162-178.
16. *Jakovlev A. A. Ponymanye kak metodologhycheskaja problema ystoryy fylosofyy*. *Voprosi fylosofyy*. 1984. №8. P. 72-82.
17. Coreth E. Grundfragen der Hermeneutik: Ein philosophischer Beitrag. Freiburg , 1969.
18. Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik. Heidelberg, 1969.

Шегута Михаил Андреевич – кандидат философских наук, доцент
Украинская инженерно-педагогическая академия. Стахановский учебно-научный институт
горных и образовательных технологий
Адрес: 94002, г. Стаханов, ул. Тельмана, 53
E-mail: fanuta@list.ru

Sheguta Mikhail Andreevich – PhD in philosophy, associate professor
Ukrainian engineering and pedagogical academy. Stakhanov educational scientific institute of
mining and educational technologies
Address: 53, Thelman's str., Stakhanov, 94002
E-mail: fanuta@list.ru